

УДК 271.21+27-9

БЫТ И ПРАВЫ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ ВЛАДЫК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Венедиктов В.Ю.

Автор статьи анализирует церковные конфликты второй половины XIX века между греками и болгарами. На фоне общего обострения церковного конфликта весьма интересно обратиться к истории быта, нравов и материального положения константинопольских патриархов этого времени. На основе источников Архива Внешней Политики Российской Империи автор восстановил картину быта и нрава константинопольских владык. Раскол 1872 года лишь обострил и до того напряженные отношения в среде высшей греческой иерархии Константинопольской Церкви.

Ключевые слова: церковная история, схизма, быт, нравы, греко-болгарский церковный конфликт, Константинопольский Патриархат, Константинопольская Патриархия, Константинопольский Патриарх.

THE EVERYDAY LIFE AND CUSTOMS OF CONSTANTINOPLE PATRIARCHS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Venediktov V.Y.

The author of the article analyzes the church conflicts between Greeks and Bulgarians in the second half of the 19th century. It is rather interesting to have an overlook of everyday life, customs and material status of the Constantinople Patriarchs of those times during the Church conflict. In his research the author bases on the documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The schism of 1872 has set on edge the tensed relations in the midst of the highest Greek hierarchy of the Constantinople Church.

Keywords: church history, schism, everyday life, customs, the Bulgarian Greek Church conflict, Constantinople Patriarchate, Constantinople Patriarchy, Constantinople Patriarch.

I. Правовое положение Константинопольской Церкви в XIX веке

Константинопольская Церковь (Вселенский Патриархат) по сей день сохранила название своей бывшей столицы Византийской империи – Константинополя. Благодаря этому городу Церковь получила первенство чести в семье Поместных Православных Церквей.

С падением столицы и постепенным исчезновением Восточной Римской империи роль Константинопольской Церкви среди ее паствы не упала а, наоборот, значительно возросла. Сразу после завоевания Царьграда турками в 1453 г., Константинопольский патриарх был объявлен церковным и гражданским представителем всех христиан, входивших в состав Турецкой империи, без различия народностей. В его руки и в руки греческой иерархии перешла не только церковная, но и гражданская, и судебная власть над всем христианским населением Империи. Ведению патриарха (и архиереев) подлежали судебные дела, в особенности по вопросам семейного, наследственного и брачного права, дела школьные и др. Правительственные власти обязаны были содействовать исполнению приговоров патриарха (и архиереев).

«Патриарх, оставшись по-прежнему патриархом со властью, свойственной этому сану, сделался кроме того еще милет-баши, неограниченным гражданским владыкою всех своих единоверцев» [6, с. 30]. Вселенский (Константинопольский) патриарх был представителем и ответственен пред Портой за всех христианских подданных султана в их церковно-общественном положении. «Все помыслы ромейской райи были сосредоточены в скромном помещении на Фанаре, взоры всех были устремлены на ярко сиявший крест храма св. Георгия, все интимные мечты слагались к патриаршему престолу, на котором восседал духовный владыка всех христиан, их господин и даже василевс, - руководитель и представитель Церкви и народа во всей полноте их подневольной жизни, носитель и выразитель народных стремлений и идеалов, передовой, облеченный авторитетной властью, деятель в церковно-общественной жизни греков,

которой он сообщал тот или иной характер, давал то или иное направление» [13, с. 407]. В своей внутренней жизни Церковь была наделена правами полного самоуправления. При открытии, новых епархий патриарх действовал совершенно самостоятельно, не извещая даже об этом турецкое правительство [4, с. 82]. Турки при организации христианских общин игнорировали национальный принцип, руководствуясь лишь религиозными началами. Поэтому Константинопольский патриарх оказался главою всех православных христиан в Турции, без различия национальностей. Все православные национальности были объединены в Турции под общим названием «урум-миллет» – греческий народ, в смысле принадлежности к греческому вероисповеданию [12, с. 440-441].

Привилегированное положение Вселенского патриарха налагало вместе с тем на него и значительные обязанности чисто политического характера. Он, как епископ, был ответственным лицом за подведомственное ему население. «Одним словом, турки связали до некоторой степени судьбу греческой иерархии с судьбой своего государства, а с другой стороны – наложили некоторое самоограничение на последнее в пользу первой» [2, с. 32]. По мере расширения турецких владений, расширялась и власть греческой иерархии в землях негреческих – не только в Болгарии, но и в Сербии, Боснии, Румынии, даже в Венгрии. И, наоборот, по мере освобождения этих земель от политической турецкой власти, они освобождались и от греческой церковной власти.

Несмотря на все трудности и перипетии османского владычества, уважение к султану сохранялось в патриархии вплоть до крушения Османской империи в 1918-23 гг. Так, в памятной записке святейшего Константина V от января 1900 года императору Российскому Николаю II (Архив Внешней Политики Российской Империи) повествуется о сакральном для Церкви значении власти падишаха. Балканские церкви, – говорится в записке, – «спасены промыслом Божиим, ибо сильная рука Всевышнего, полагающая основание к благоденствию народов, дивным образом управляющая и нашими

делами, вдохнула доброе в сердца первых поставленных здесь славных императоров Османцев, вследствие чего и при свершившейся перемене распорядок церковных дел остался неизменным: Церквам Востока и православным христианским народам дарованы были, в лице патриарха Константинопольского, драгоценные попечители-начальники, благодаря коим твердо установились организм и отправление церковного управления в духе религиозной свободы и автономии» [1, с. 87].

В XIX столетии турецкий государственный механизм проводит реформы, подвергшие изменениям традиционные устои жизни. Эпоха Танзимата отразилась и на положении Константинопольской Церкви. Учреждение Смешанного совета при патриархии, реформа Патриаршего синода имели целью поставить Церковь под контроль светской власти и постепенно превратить ее в государственный департамент [3, с. 200-224]. С первыми трудностями патриархия столкнулась в восьмидесятые годы при Иоакиме III. В Турции начались судебные реформы. В текст бератов (султанские ставленные грамоты), выданных двум новопоставленным греческим митрополитам, не были включены обычные статьи, касающиеся присвоенной им судебной власти. Патриарх эти бераты вернул Порте. Вследствие чего начались пререкания, повлекшие за собою весьма серьезные осложнения. Новая судебная реформа исходила из того положения, что все подданные Империи должны быть равны перед законом. Новые законы требовали распространение компетентности общих судебных учреждений на преступления, совершенные лицами духовного звания [1, с. 88].

Патриарх ответил обширным мемуаром от 15 июня 1883 года, в котором указал несоответствие нового турецкого судебного устава с прежними бератами. Иоаким III выделил гражданские и судебные дела, касающиеся патриарха, митрополитов, епископов и их поверенных; дела, находящиеся в связи с браком, разводом и временным разлучением супругов, а также дела, связанные с завещаниями. Мемуар святейшего Иоакима (АВПРИ) турецким министрам показывает, что наряду с церковными привилегиями, патриарх

считал своею обязанностью отстаивать и права греческой национальности, «естественной охранительницы православия» [1, с. 88].

По вопросу бератов возникли разногласия между патриархией, синодом и советом светских представителей. Представители крайнего греческого направления оказались с перевесом в синоде и совете. «Не желавший в интересах православия, делаться слепым орудием политических страстей, святейший Иоаким предпочел подать в отставку», но вскоре «под гнетом гнусных клевет патриарх склонился в сторону синода и совета». Между тем, «фанатические поборники великой эллинской идеи, господствующей в Фанаре, позволили себе самые отчаянные и бесстыдные выходки против России» [1, с. 88-89].

II. Быт и нравы высшего духовенства Константинопольской Церкви

За два столетия (XVIII и XIX вв.) на Константинопольском патриаршем престоле сменились пятьдесят патриархов [15]. Некоторые из них переизбирались до трех и четырех раз. Многочисленные интриги и распри на Константинопольском престоле составляют отличительную особенность этой Церкви XVIII-го и последующего столетий. Лишь немногие из патриархов того времени отличались значительными нравственными достоинствами. Мало здесь найдется таких патриархов, которые соответствовали бы по своему поведению их сану и призванию. Историю Греко-восточной (Константинопольской) церкви в XVIII веке можно разделить на два периода: до патриарха Самуила I (1763-1768; 1773-1774) и после.

Во время Самуила I авторитет патриарха в Константинопольской Церкви достигает наибольшей широты и влиятельности. Как справедливо заметил выдающийся дореволюционный историк А.П. Лебедев, после патриарха Самуила I Церковь «могла или держаться на той же высоте или еще более подняться в своем значении. Но этого не случилось. Напротив, характеристическою чертою в истории патриархии от конца XVIII века и до нашего времени (до начала XX в. – В.В.) составляет сокращение размеров ее

внешнего господства и уменьшение ее авторитета, как в глазах турецкого правительства, так и в сферах церковных» [7, с. 290].

Патриарх Самуил происходил из знатной греческой фамилии. Это был человек образованный и хороший администратор, который более других был способен привести в некоторую стройность запутанные дела патриархии. К его времени Константинопольская патриархия находилась в печальном положении: патриархи возводились и низводились на патриарший престол по произволу корыстолюбивого турецкого правительства; искания патриаршего престола, сопровождавшиеся интригами и подкупами, продолжались; управление патриархатом было беспорядочное; долги патриархии были чрезмерны и т.п.

Самуил I решился очистить Церковь от порока симонии (покупка священнических должностей) и сделать назначение патриарха независимым от влияния турецкого правительства [11, с. 49-50]. Для этого он учредил при патриархе Великий синод, от которого впредь должно было зависеть постановление и низложение патриарха. Самуил определил, чтобы в состав его входили 10 или 12 митрополитов, епархии которых находятся по близости к Константинополю. Доступ в синод имели и миряне-архонты, а также один представитель патриаршего двора – великий логофет (через него патриарх осуществлял внешние связи с турецким правительством). Великий синод служил верховным судилищем для греко-православного клира, апелляционной инстанцией на все судебные решения епископов. Одному Великому синоду принадлежала власть судить и наказывать патриарха.

Султан Мустафа III согласился на реформу Самуила I в патриаршем управлении и утвердил все его постановления. Но это было только формально. На деле все осталось по-прежнему. «Сам патриарх Самуил первый лишен был патриаршества на основании тех постановлений, которые сам он предложил относительно перемены патриарха, и изгнан, как человек тяжелый и излишне строгий» [11, с. 51].

В XIX столетии двадцать шесть патриархов управляли Константинопольской церковью [7, с. 289-290]. Из патриархов первой

половины XIX века наиболее замечательным является патриарх Григорий V (годы правления: 1797-1798, 1806-1808 и 1818-1821†). Характеристики этого патриарха противоречивы. С одной стороны, еще во времена, когда Григорий тринадцать лет управлял Смирнской епархией, – он обнаружил весьма почтенную и разностороннюю деятельность. И не был лишен многих, достойных уважения, качеств. «Вообще, Григорий был уважаемым за свою нравственную высоту мужем, отличался простотою в жизни и скромностью в одежде, был ревностным в делах веры и весьма энергичным в управлении» [13, с. 457]. С другой стороны, Григорий «не желал лишиться благосклонности Порты и многое делал, чтобы проявлять свою лояльность.

В начале восстания придунайских княжеств в 1820 г., незадолго до своей известной несчастной кончины, патриарх, сообразуясь с видами Порты, поразил торжественной анафемой главаря восстания Александра Ипсилантиса и всех так называемых этеристов (т. е. членов тайной организации, готовившей Греческую революцию 1821 г. – *В.В.*) Этот же самый Григорий при другом случае пошел еще далее. В 1807 г. англичане расположились флотом напротив Стамбула и грозили взять столицу Турции. Тогда Порта стала подозревать, что греки в заговоре с иностранцами и что сам патриарх на стороне врагов. Для того чтобы очистить себя от подозрений, Григорий предложил правительству помощь своего народа в защите города. Предложение было принято. И вот патриарх вооружился заступом и повел с собой 30 тыс. греков для укрепления береговых крепостей. Султан смотрел из сераля на зрелище и радовался. В награду ревностный патриарх получил от султана роскошную шубу, которую, по его словам, никогда не носил, но, конечно, хранил как зеницу ока» [7, с. 150]. Его казнь стала сильным потрясением для Восточной Церкви. По мнению А.П. Лебедева печальная смерть Григория «нисколько не удивительна: патриарх хотел служить и нашим, и вашим и, как всегда бывает в таких случаях, – прогадал» [7, с. 150].

Знаменательно в связи с вышеизложенным, что Григорий V посмертно стал почитаться скорее как национальный герой, чем мученик за веру. В

греческом языке слова "национальный герой" (εθνομάρτυρας) и "мученик" (μάρτυς) – одного корня. Национальные герои несли в себе греческий национальный дух (ελληνικότητα). Григорий V в православном месяцеслове значится как ιερομάρτυρας (священномученник), а в светской литературе и народном сознании фигурирует как εθνομάρτυρας. Таким образом, εθνομάρτυρες стали выразителями новой духовной традиции: если мученики несли в себе христианскую духовность, то национальные герои – греческий национальный дух (ελληνικότητα) [8, с. 146].

Среди Константинопольских патриархов были такие разносторонние и образованные личности, как, например, патриарх Агафангел (1826–1830 годы патриаршества). Агафангел прекрасно знал болгарский, русский, турецкий и французский языки. В 1800 г. служил священником греческого прихода в Москве. Во время греческого восстания 1821 года Агафангел в качестве заложника был посажен турками в тюрьму, где содержался несколько лет [5, с. 71-72].

Во второй половине XIX века Константинопольскую кафедру возглавляли следующие патриархи: Анфим V (1840-41 и 1848-52), Герман V (1842-45 и 1852-53), Анфим VI (1845-48; 1853-55 и 1871-73), Кирилл VII (1855-60), Иоаким II (1860-63 и 1873-78), Софроний III (1863-66), Григорий VI (1835-40 и 1867-71), Иоаким III (1878-84 и 1901-12), Иоаким IV (1884-86), Дионисий V (1887-91), Неофит VIII (1891-94), Анфим VII (1895-97), Константин V (1897-1901). Тринадцать патриархов сменились за полвека. В Александрийской Церкви за это же время патриарший престол переходил из одних рук в другие лишь шесть раз, в Антиохийской четыре раза, в Иерусалимской шесть раз [9, с. 18, 30, 41, 49].

Положение Константинопольского патриарха было неустойчивым в сравнении с другими Поместными Церквами Востока. Двухлетнее или трехлетнее пребывание главы Константинопольской Церкви на патриаршем престоле ставило его в ряд второстепенных и многочисленных общественно-политических деятелей Востока. По справедливому замечанию русских

дипломатов на Востоке, «патриарх едва успевает освоиться со своим положением и делами, как уже какой-либо из легко возникающих кризисов полагает конец его власти» [1, с. 93]. Патриархам приходилось заботиться о личном самосохранении, что поглощало большую часть их внимания и времени. Немалое влияние на дела патриархии оказывало и денежное пособие из Афин. Неустойчивое положение патриарха печально сказывалось на общем церковном правлении.

Нравственные характеристики Константинопольских владык часто оказывались небезупречными, а иногда, наоборот, превосходили всякие ожидания. Например, А.П. Лебедев относил патриарха Кирилла VII к разряду «недостойных или малодостойных патриархов константинопольских», ссылаясь на отзывы Московского митрополита Филарета (Дроздова), историк отзывался о Кирилле, как о патриархе ограниченном, лишенным твердости воли [7, с. 298]. Ссылаясь на труд греческого автора Мануила Гедеонона ("Πατριαρχικῆί πίνακες"), Лебедев пишет о нравственном облике патриарха Иоакима II: «Иоаким II оставил по себе память, как правитель милостивый, но в то же время известен был чрезмерною стяжательностью и деспотизмом сатрапа» [7, с. 298]. Софроний III Лебедев относит к лучшим патриархам того времени. «Софроний III, сделавшись патриархом Константинопольским, показывал себя исполненным ревности о благе Церкви и народа; впоследствии, по удалении с этой кафедры, он избран был в патриарха Александрийского, долгое время управлял Церковью Александрийскою и стяжал себе здесь любовь и уважение» [7, с. 293]. Патриарх Анфим VI «известен, как человек лукавый и крайний любитель золота» [7, с. 298].

Давая оценку действиям святейшего Григория VI, современники отмечали отсутствие «в намерениях патриарха какой-либо властолюбивой или корыстной мысли» [14, с. 189]. Разные отзывы находим в архиве русских дипломатов по патриарху Иоакиму III, жившему после первой его отставки на Афоне с 1889 по 1901 гг. В монастыре патриарх стал придавать особое значение своим сновидениям. «Неужели наш Иоаким вступил в возраст бабий?

Обыкновенно бабы любят рассказывать сны и верят в них. Неужели и патриарх верит снам?» Дипломаты посоветовали русским монахам подsunуть святейшему толковник снов. «Бедный Иоаким, видимо, скучает от безделья и сделался «сновидцем» [1, с. 95]. Незадолго до своего повторного переизбрания в сентябре 1899 года Иоаким оказался кандидатом на Александрийский престол. По замечанию А. Бреневского, «Иоаким III, личность независимая, не относящаяся к России с враждебностью, недоброжелательностью и предубеждением, подобно большинству греческого духовенства» [1, с. 95].

Политические взгляды греческих иерархов могли изменяться с течением обстоятельств. Например, патриарх Дионисий V до своего избрания в патриархи отличался русофобскими взглядами. «Сделавшись Вселенским патриархом, искренне изменил свое отношение к великой православной державе» [1, с. 95].

Некоторые патриархи удостаивались весьма щепетильных характеристик со стороны российского дипкорпуса. Так, описывая изменения в составе Константинопольского синода в начале января 1894 года, посол в Константинополе А.И. Нелидов употребляет в адрес патриарха Неофита VIII весьма порядочные слова: «Неофит – человек добрый, честный и благонамеренный» [1, с. 95]. При всех высоких нравственных достоинствах: благонамеренности, беспристрастности и благодушии – патриарх «не обладал необходимыми качествами политической ловкости и административной твердости, без которых немыслимо успешное управление Вселенскою патриархией» [1, с. 95]. ВВ. Жадовский писал: «Сам Неофит, следуя преданиям Иоакима III, не допускал симонии и заботился о поддержании беспристрастия к народностям, входившим в состав его паствы и добрых отношений к другим Православным церквям» [1, с. 95-96]. После избрания на патриарший престол в 1897 году святейший Константин V был охарактеризован следующими словами: «уравновешен, далек от крайностей, знаток церковной истории, России не доверяет» [1, с. 96]. Без внимания не оставалось и физическое состояние предстоятеля: «У патриарха Константина воспаление слепой кишки:

он уже дней десять лежит в постели. "Я бы уже считал себя мертвым", – говорит он, «но чувствую, что голова моя и сердце на месте, а потому сознаю, что жив» [1, с. 96].

Отрадным фактом из повседневной жизни Константинопольской Церкви было взаимодействие пастырей со своими пасомыми. Собственно греческая паства была немногочисленной. Иерархи Константинопольской Церкви не чуждались общения и довольно близко подпускали к себе своих духовных чад из мирян, обладая достаточным для подобного общения образованием. Высшее духовенство Греческой Церкви подготавливалось к своему призванию если не в каком-нибудь западном учебном заведении, то в Халкинском богословском училище (вблизи от Константинополя), отличающимся строго воспитательным и церковным характером. Духовенство низшее было лишено сколько-нибудь достаточной школьной подготовки. Попытка в патриаршество Иоакима III (1878-1884 гг.) завести центральное духовное училище для образования священства закончилась неудачей.

Огромное большинство епархий довольствовалось священниками весьма малограмотными. Такое положение дел не позволяло человеку образованному посвятить себя этому высокому призванию. В то же время существование приходского духовенства в областях отличалось от столичных правил и некоторых епархий (например, Халкидонской и Дерконской). Для областного духовенства общим правилом являлось посвящение в иереи по соглашению прихода с епархиальным начальником и местными жителями-собственниками.

Ничтожность церковных доходов не позволяла образоваться особому духовному сословию, в особенности в деревне, и, делаясь священником, бывший крестьянин продолжал возделывать свое поле или виноградник. Рядовое священство подчинялось высшему духовенству. Отношения были не всегда безупречными. «Обращение греческих епископов со священниками, – пишет А.П. Лебедев, – было в высшей степени недостойно. Нередко епископы били священников у алтаря. Многие епископы имели обыкновение держать священников у себя в услужении, заставляя их работать в своих дворах,

конюшне или садах. Дело доходило до того, что иногда священник, которому архиерей давал приказание «таскать на двор из конюшни епископского дома в коробе навоз», не желая выносить такого унижения, даже отказывался от христианства и принимал магометанство» [7, с. 98].

А хуже всего то, что «в дело управления Церковью вмешивались геронтессы (греч. γέρων,-οντος – старец, старик), «наложницы» архиереев или, как их еще иронически называет епископ Порфирий, «преосвященные монахини». Они настраивали архиереев против неприятных этим особам лиц, а архиереи унижались до того, что в угоду геронтессам произносили анафему на совершенно невинных, но несчастных людей... Греческие епископы, – рассказывает один историк, – столь же мало были образцами бескорыстия, как и образцами христианской нравственности. От преследования фанариота не была обеспечена ни одна женщина и девица в селе» [7, с. 100].

Областная жизнь менее возмущаема нравственно. Для такого уклада свойственен патриархальный строй. Заботы епархиальных начальников ограничивались паствою в 30-40 тыс. душ. Архиереи в областях не имели постоянных денежных отношений со священниками. Лишь в пригородных епархиях Константинополя (Дерконской и Халкидонской) священники вносили сами ежегодную сумму в уплату архиерейского содержания. В других областях сумма для архиерея собиралась с каждого христианского семейства.

Положение духовенства в больших городских центрах характеризовалось русскими наблюдателями следующими словами: «Духовенство столицы пополняется исключительно извне пришлыми, случайными личностями» [1, с. 98]. Недостаточность средств при сравнительной дороговизне жизни привела к образованию нового, ненормального для Православной Церкви XIX столетия явления безбрачного приходского духовенства из монашествующих. Сверху это духовенство было лишено того наблюдения и руководства, которое оказывалось в областях епархиальным начальством. «Архиепископ Константинополя – Вселенский патриарх поглощен общими церковными делами, а вопросами епархий занимается протосингел, обыкновенно молодой

человек, остающийся на этом месте 2-3 года до получения архиерейской кафедры. Чуждые своим прихожанам священники связаны с ними более всего унижительными поборами, в формах неизвестных в России» [1, с. 98].

Обильное распространение светского образования в больших центрах увеличивало пропасть между прихожанами и их малообразованным пастырем. На глазах происходило нарушение древнего обычая, при котором пастыри являлись естественными учителями пасомых. Следствием интеллектуальной деградации приходского духовенства по данным на 1896 год являлось то, «что преподавание Закона Божия во всех начальных училищах в Турции перешло в руки светских преподавателей» [1, с. 98]. Важной церковной дисциплине отводилось второстепенное место, что не могло служить к укреплению религиозного сознания народа. Кроме того, в среду законоучителей попадали преподаватели из Афин, где распространилось атеистическое направление. Ко всем внутренним недугам Константинопольской Церкви добавлялись последствия раскола 1872 г.

Миряне, жившие в Константинополе и его окрестностях, составляли около 10% греческого населения Турции. Греки-фанариоты имели первенствующее влияние на ход церковных дел не только в силу своего пребывания в центре, но и по самому уставу патриархии, представляющему жителям Константинополя исключительное право выбора членов совета патриархии. В церковно-нравственном отношении население столицы стояло в значительно худших условиях, чем областное население.

Большое влияние на жизнь грека имели священники, обычные труженики, отличавшиеся добротой, любовью и сочувствием к окружающим. Традиция передачи духовного опыта из поколения в поколение была выработана еще в византийские времена, когда святость производила на византийца намного более сильное впечатление, чем славный ритуал императорского дворца или Великой церкви.

Византиец видел эту святость в рамках другого мира: в бедности, простоте и самоотвержении. Смиранный приходской священник, или монах,

занимающийся благотворительностью, имел на него сильнейшее влияние. Такие люди (подвижники) понимали народ; они разделяли их чувства и руководили их взглядами. В каждом восточном городе высшая власть всегда опиралась на толпу, вернее, на демагогов, главенствующих в толпе. В Византии демагогами были беднейшие священники и монахи, люди, большинство из которых хотя и уважали власти и образование, но которые находились под властью эмоциональной и несовершенной веры в Священное Предание, наследниками которого они являлись. Несмотря на все уважение, испытываемое народом к императору и патриарху, никто из них не мог рассчитывать на поддержку народа, если он противопоставлялся его инстинктивному чувству правды и неправды. «И, если верно утверждение, что глас народа – это глас Божий, то в Византии глас Божий был слышен из уст самых смиренных служителей Его Церкви» [10, с. 69]. В XIX столетии подобное свидетельство вряд ли было применимо к большинству клириков Константинопольской Церкви. Но, тем не менее, несмотря на пороки и недуги греческого клира, сами греки не потеряли любви и уважения к своей Церкви.

Список литературы:

1. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken, 2011.
2. Верюжский В. прот. Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 7. С. 23-32.
3. Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878-1898). М., 2006.
4. Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865.
5. История Христианской Церкви в XIX веке / Изд. А.П. Лопухина. В 2-х т. Петроград, 1901. Т. 1: Православный Восток.

6. Курганов Ф. Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. 1873. Ч. 1. С. 187-260.
7. Лебедев А.П. История Греко-восточной Церкви под властью турок: В 2 кн. СПб. 2004. Кн.1.
8. Петрунина О.Е. Православная Церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVIII-XIX века) // Религии мира: История и современность. М., 2003. С. 135-153.
9. Поместные Православные Церкви. М., 2004.
10. Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. История Греческой Церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. / Пер. с англ. Л.А. Герд. СПб., 2006.
11. Розов И. Очерки истории Восточной Церкви со времени взятия Константинополя турками до настоящего времени. М., 1880.
12. Скабаланович Н.А. Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии (от завоевания Константинополя до конца XVIII ст.) // Христианское чтение. 1878. № 9-10. С. 423-464.
13. Соколов И.И. Константинопольская Церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1.
14. Филиппов Т.И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882.
15. Κατάλογος Οικομενικῶν Πατριαρχῶν [Электронная версия] // Οικομενικό Πατριαρχεῖο [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/31uqyTE> (дата обращения: 05.12.2021).

Сведения об авторе:

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, эксперт Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Venediktov Vadim Yuriyevich – Candidate of Historical Sciences, expert of Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: benedictus@list.ru.